

Трагикомедия Чарльза Понци:

великие тайны и истоки пирамидальных схем

Сергей
Голубицкий

«Понци превращает один доллар в миллион и делает это, закатав рукава. Вы просто даете ему доллар, и Понци прикручивает к нему шесть нулей». «Бостон Трэвелер», июль 1920 г.

«Реинвестируй и Расскажи своим друзьям!»

Чарльз Понци

Выписка из стенограммы слушаний иммиграционной службы США от 18 ноября 1924 года:

Инспектор Фери Вейсс: Ваше имя?

Чарльз Понци: Чарльз Понци.

— Были ли вы известны под каким-нибудь другим именем?

— Да, я был известен под именем Бьянки, что по-итальянски значит «белый» — так прозвали меня друзья в Канаде из-за внешнего вида. Своего рода прозвище.

— Сколько вам лет?

— Сорок два года. Я родился 3 марта 1882 года в Луго, недалеко от Равенны на севере Италии.

— Из Равенны вы направились прямо в Соединенные Штаты?

— Нет, сэр. Перед этим я прожил три года в Риме, столице Италии.

— Когда вы отбыли в США?

— 3 ноября 1903 года.

— Вы путешествовали как пассажир или в ином качестве?

— Я был пассажиром второго класса.

— Сколько вам было лет, когда вы оказались в Америке?

— Двадцать один.

— Вы были женаты?

— Нет.

— Род ваших занятий?

— Я был клерком в Италии.

— С момента вашего прибытия в США 17 ноября 1903 года покидали ли вы эту страну?

— В 1907 году я отбыл в Канаду, город Монреаль.

— С какой целью?

— Я искал работу.

— Сколько вы там пробыли?

— Месяца 22 или 23.

* * *

Ведущая журналистка «Вечернего Нью-Йорка» («New York Evening World») Маргарита Маршалл писала о Бьянки в пароксизме восхищения: «Понци предоставляет каждому возможность быстро разбогатеть. Одолжите ему денег — от 50 долларов до 50 тысяч, — и через 180 дней он вернет вам ровно в два раза больше. Понци успешно занимается этим уже в течение восьми месяцев, и пока все в порядке. По собственному признанию, за шесть месяцев ему удалось

Чарльз Понци ведет счастливых вкладчиков к обогащению

сколотить состояние для себя самого, а также дать тысячам инвесторов 50 процентов дохода на их деньги. Вся эта благословенная работа ведется из маленького двухкомнатного офиса усилиями двенадцати клерков. Без сомнения, успех к Чарльзу Понци мог прийти только в Америке».

Когда мисс Маршалл писала свои глупости, она не догадывалась о еще более загадочной стране — послекоммунистической России, где через 70 лет после Понци таких вот «двухкомнатных офисов» расплодится, как грибов, — по корзинке в каждом городе. На этом, впрочем, сходство заканчивается. Для того чтобы построить первую величайшую пирамиду в истории Нового Времени, Чарльзу Понци понадобилось изобрести удивительнейшую по своей тонкости схему — денежный арбитраж на почтовых марках: только так ему удалось убедить соотечественников в надежности своего мероприятия. Артур Рив отдает должное итальянскому гению: «Успех Понци — следствие его выдающейся личности. Не каждому дано выйти на улицы и уговорить тысячи случайных прохожих отдать свое жалованье, даже под вероятные 400 процентов годовых».

Конечно, мистер Рив тоже не знал о нашей стране. А если бы даже и знал, все равно не поверил бы, что необразованные провинциальные тетки и местечковые ловцы бабочек сумеют собрать не 10 миллионов (как

ший десятки тысяч чиновников, сотрудников полиции, звезд политики и Голливуда, ну и — ясное дело! — рядовых граждан, общенациональной мечты — Get-Rich-Quick².

На суде всплыл прелюбопытнейший факт: 80% всего полицейского управления города Бостона были вкладчиками в пирамидальной афере Чарльза Понци. Ну как тут снова не провести аналогию с российской «Властилиной», где в почетных инвесторах состояли и политический бомонд, и добрая половина правоохранительных органов. Видимо, существует загадочная, универсальная и недолимая сила, которая влечет чиновников, независимо от их происхожде-

Не прошло и десяти дней после освобождения, как Понци отправился мотать новый срок — на сей раз в тюрьму Атланты, куда он угодил за провоз на территорию США нелегальных иммигрантов (своих соотечественников, разумеется). Ну и так далее: жизнь Понци — это череда нескончаемых отсидок, перемежаемая краткосрочными моментами славы и богатства (помните классическое: «Украл — выпил — в тюрьму!»).

Все это, однако, детали. Зато в вопросе Фери Вейсса есть еще один очень показательный момент, который позволит нам определить подлинные мотивы жизнедеятельности итальянского афериста: в Америку Понци прибыл пассажиром второго класса, а в «трудовой книжке» у него значилась гордая профессия клерка. Эту информацию Бьянки поведал в момент полного излома личности, под прессом нескончаемых судебных приговоров и лет, проведенных за решеткой. На пике славы биография Понци звучала иначе. В 1920 году он делился с репортерами самым сокровенным: «Я родился в богатой итальянской семье и получил лучшее образование. Мы были зажиточны, хотя и не сказочно богаты. Но нам хватало. Мне никогда не приходилось работать ради заработка, я даже считал ниже своего достоинства заниматься

80% всего полицейского управления города Бостона были вкладчиками в пирамидальной афере Чарльза Понци.

Понци), а 10 миллиардов долларов (!!!)¹ под честное слово, даже не рассказав малахольным инвесторам о сути проекта, на котором собираются поднимать обещанные гигантские проценты.

***

Итак, 18 ноября 1924 года приезжий финансовый гений Чарльз Понци смиренно и безропотно отвечал на въедливые вопросы коренного жителя Страны Неограниченных Возможностей, инспектора Фери Вейсса. Происходило это в самый разгар нескончаемой череды тюремных отсидок: Американские Соединенные Штаты с остервенением мстили Бианки за проворнутый им могучий кидок, лишив-

ния, на Поле Чудес. Почему? А потому, что хоть и раскинулось это Поле в Стране Дураков, но кое-кому все же удастся выращивать на нем золотые деревца. О чем и поведаст поучительная история о Чарльзе Понци.

***

Отвечая на вопросы нудного Фери Вейсса, Чарльз Понци, как всегда, самозабвенно врал: и подставных имен у него была дюжина, и «альтернативных» времяпрепровождений — в достатке. Скажем, в Канаде Бьянки не столько пребывал в поисках работы, сколько сидел в тюрьме: ему дали три года по обвинению в подлоге по делу монреальской банковской фирмы Zrossi & Co, в которой Понци состоял соучредителем³.

¹ «Властилине» Валентины Соловьевой (образование: 8 классов и один курс педучилища) 16-тысячная армия «электратора» добровольно передала более 100 миллионов долларов, а «МММ» 10 миллионов вкладчиков подарили 10 миллиардов долларов.

² Быстрое обогащение, богатство за одну ночь (англ.).

³ Другой партнер Понци — Джанетти — покончил собой, а третий кореш — Антонио Салвиати — вышел под залог и подался в бега, причем отловили его только в августе 1920-го.

физическим трудом. После окончания школы в Парме я поступил в Римский университет. Буду откровенен с вами: в молодые годы я был ужасным транжирой. Мне казалось, что трата денег — самое интересное занятие в жизни. Однако эта игра — как воздушный шар: сколько бы ни взмывал он ввысь, рано или поздно ему придется опуститься на землю. Короче говоря, я понял, что пора искать работу. Но мне не хотелось светиться перед своими знакомыми, поэтому я и решил отправиться в Америку. У меня не оставалось никаких сбережений, так что я очутился в Бостоне, как всякий рядовой иммигрант: все мое состояние составляло 2 доллара 50 центов. Я приехал в эту страну с двумя долларами пятьюдесятью центами в кармане и одним миллионом долларов надежд, и эти надежды не оставляли меня никогда. Я всегда мечтал о том дне, когда у меня будет достаточно денег, чтобы с их помощью я смог сделать еще большие деньги, потому что это расхожая истина: никто не сумеет заработать много денег, если у него нет стартового капитала».

В этой исповеди — полный психоаналитический букет дегенеративных фобий и неврозов потенциального афериста. Но изюминка не в этом. А в том, что точно такие же фобии и неврозы раздирают душу подавляющего большинства рядовых «маленьких человечков»! Тут вам и деньги в качестве единственного критерия ценности жизни, и постоянная оглядка на то, «что скажут люди», и всене-

Величайший финансовый гений Америки

ременная легенда об оборванце царских кровей, и энергичное масси-рование вымени всеамериканской мечты (изгои Старого Мира прибывают на Землю Обетованную без гроша за душой, но с огнем в глазах). Все это пошло до тошнотворности, однако действует безотказно в деле развода лохов: ведь каждая Золушка в глубине души полагает себя достойной волшебного принца — и по происхождению, и по благородству души. Когда Понци рассказывал сокровенные сказки репортерам, он посылал на подсознательном уровне важнейшее сообщение своим потенциальным инвесторам: «Мы с вами одной крови! Я, как и вы, не простой оборванец-иммигрант, а тайный принц голубых кровей, поэтому мы достойны лучшего!»⁴ Мы должны немедленно стать богатыми, чтобы вос-

Схема родилась в самом конце 1919 года. В отличие от убогих российских эпигонов, Понци не кормил своих вкладчиков голословными обещаниями (публика иная — не поверила бы!),

Ясное дело, что в 1906 году никому и в голову не могло прийти, что мизерная сумма — 3 сентима — может стать основой для арбитража.

становилась справедливость. Смотрите на меня: я разбогател быстро, стремительно и головокружительно. Я знаю, как это сделать, и помогу вам. Несите свои деньги!»

Так вот — простенько и со вкусом. И не нужно морщиться: эта суггестия не просто работает, а работает безотказно, в любую эпоху, в любой стране, при любом режиме.

Вернемся, однако, к биографии героя. После отсидки в Монреале, Понци вернулся в Штаты. 30 июля 1910 года будущий финансовый гений пересек границу Страны Безграничных Возможностей, широким жестом захватив с собой пяток единокровников, нарушив тем самым иммиграционный закон. И тут же получил два года, которые чистосердечно отсидел от звонка до звонка.

В 1912 году Понци приезжает в Бостон и ложится на дно на целых восемь лет. Ложится, конечно, фигурально, да и то на фоне общего вектора своей бурной биографии: за эти годы с Бьянки приключилось всего ничего: пара-тройка приводов и арестов — гений созрел для Большой Схемы.

а представил на всеобщее обозрение удивительную по своей простоте и логической безупречности идею обогащения за счет арбитража почтовыми марками. Схема была достаточно проста, чтобы ее понял любой мойщик посуды, и одновременно сложна, чтобы ни у кого не возникало желания попытаться провернуть дельце самостоятельно.

Начать нужно с самого понятия арбитража. Речь, конечно, идет не о судебной инстанции, а об определенной сделке, которая предполагает одновременную покупку и продажу какого-то товара. Главное условие арбитража — обе сделки должны быть разнесены в пространстве. Теоретически арбитражем можно заниматься прямо на улице. Скажем, вы со своим приятелем узнали, что цены на морковь в Кузьминках в полтора раза ниже, чем на Юго-Западе Москвы (это и в самом деле так!). Далее: ваш приятель располагается на толкучке в Кузьминках, а вы — у метро «Перспект Вернадского». В руках у вас сотовый телефон, а на груди табличка «Продаю морковь». К вам подходит

Счастливые вкладчики несут свои деньги в «Компанию по обмену ценных бумаг»

⁴ Сравните с занудным гипнозом современной телевизионной рекламы: «Ведь ты этого достоин!»

покупатель, говорит: «Куплю три килограмма» и сует деньги. В ответ вы выдаёте текст приблизительно такого содержания (вещать нужно как можно более убедительно): «Знаете, у нас новая форма обслуживания — с доставкой на дом! Сообщите ваш адрес, и сегодня вечером мы вам всё привезем, причем совершенно бесплатно!» Покупатель обалдевает и даёт адрес. В следующее мгновение вы набираете номер своего приятеля и судорожно кричите: «Вася, покупай три килограмма!»

Провернув операцию раз пятьдесят, вы грузите все овощи, закупленные в Кузьминках, и развозите их по всему округу-западному микрорайону. Вычитаете стоимость бензина и прочие накладные расходы и получаете чистую прибыль от арбитража. Единственная вероятная загвоздка — покупатель вам не поверит и не даст своего адреса. Впрочем, и тут можно выкрутиться: скажите ему, что деньги сразу платить необязательно, можно после доставки. Я лично не могу вообразить, что клиент после такой обработки откажется с вами расплатиться. Может, и ходят по земле такие бессовестные люди, но они гарантированно не покупают морковь у метро.

Вместо морковок Чарльз Понци выбрал почтовые марки. 30 июля 1920 года в газете «Нью-Йорк Таймс» (ни больше, ни меньше!) вышло странное интервью Понци, в котором он великодушно повествует об истоках гениального изобретения: «В августе 1919 года я собирался выпускать международный журнал и в связи с этим отправил письмо одному человеку в Испании. В ответ он прислал международные обменные купоны, которые я мог обменивать на любой американской почте на марки, чтобы в дальнейшем отсылать в Испанию номера журнала. В Испании обменный марочный купон стоит в нашем эквиваленте около одного цента, здесь же на него мне вы-

дали марок на шесть центов. После этого я изучил обменные курсы в других странах. Сперва я вложил по маленькой. Сработало. За первый месяц одна тысяча долларов принесла 15 тысяч. Я подключил своих друзей. Поначалу я брал у них депозиты в обмен на мою долговую расписку, по которой обязался выплачивать через 90 дней 150 долларов за каждые полученные 100. Хотя я и обещал расплатиться через 90 дней, на самом деле я возвращал деньги и проценты уже через 45».

Ну что тут сказать? Комар носа не подточит, тем более что арбитражную ситуацию Понци не высосал из пальца: она и в самом деле существовала! 26 мая 1906 года Соединенные Штаты Америки и еще шестьдесят стран подписали в Риме Универсальную почтовую конвенцию, которая была призвана облегчить обмен почтовыми отправлениями между странами-участниками. Потенциальная возможность для арбитража вытекала из пункта 11 (2) Соглашения. За него-то и уцепился Понци: «Марочные купоны подлежат обмену во всех почтовых ведомствах стран, подписавших настоящее Соглашение. Минимальная цена купона 28 сантимов либо эквивалент этой суммы в валюте страны, печатающей купоны. Купоны подлежат обмену на почтовые марки с номиналом в 25 сантимов либо эквивалент этой суммы в валюте страны, в которой происходит обмен».

Эти самые три сантима, которые терялись на продаже марочных купонов, были призваны компенсировать почтовые расходы в случае возвратного отправления: получатель возвратного марочного купона мог свободно обменивать его на марки своей страны, которые не продавались в стране отправителя.

Ясное дело, что в 1906 году никому и в голову не могло прийти, что эта мизерная сумма — 3 сантима — может стать основой для арбитража. Однако после Первой мировой войны во многих странах случилась инфляция, а национальные почтовые ведомства не внесли соответствующих коррективов в обменный курс между купонами и марками. В результате дельта между марочным

купоном и подлежащей ему маркой достигала 600% (шесть центов против одного в испанском примере Понци).

Короче говоря, на бумаге все получилось сказочно красиво: берем цент, покупаем купон в Испании, меняем его в Америке на марку, продаем марку за 6 центов — кладем прибыль в шесть концов. Эту идею и подарил американскому вкладчику широким жестом итальянский финансовый гений Чарльз Понци. Американский вкладчик ему поверил.

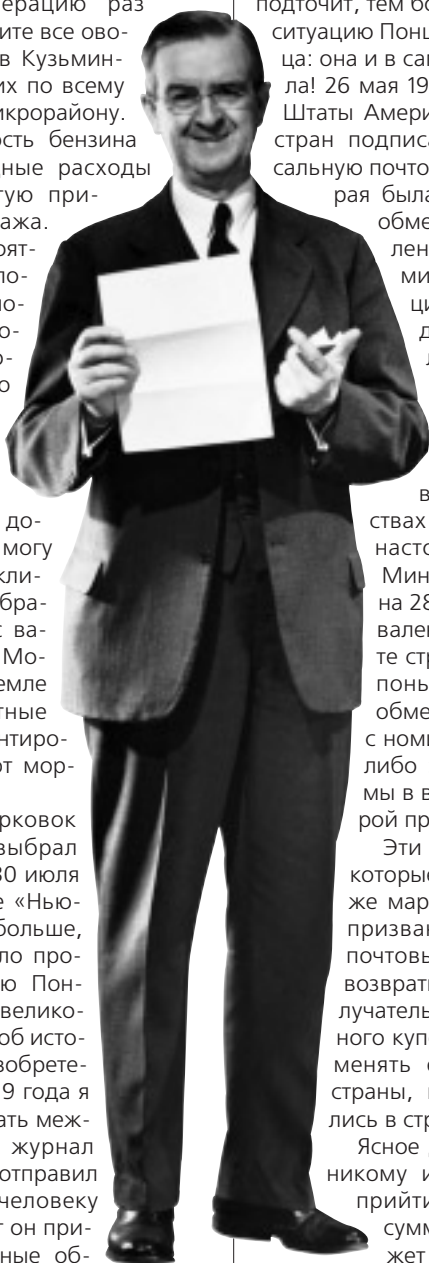
В декабре 1919 года Понци регистрирует в муниципалитете Бостона «Компанию по обмену ценных бумаг» («The Securities Exchange Company»), весь штат которой состоит из одного человека — самого гения. Уже на второй день к нему заглянул на огонек с проверкой чиновник из Торговой палаты. Понци рассказал ему о сути своего арбитражного проекта, и, по словам Бьянки, чиновник глубоко проникся и уверовал в успех. Когда нагрянул почтовый инспектор и выразил сомнения в законности обмена огромного количества марочных купонов, Понци его успокоил, туманно намекая, что обмен будет происходить в Европе, то есть за пределами юрисдикции федерального правительства.

Процесс пошел. Долговые расписки «Компании по обмену ценных бумаг» были разноцветными в зависимости от номинала. Когда вкладчики пошли стеной (весной 1920), пришлось упростить печать, и все бумажки стали желтыми. Текст расписок подкупал юридической солидностью:

«Компания по обмену ценных бумаг обязуется уплатить за полученную сумму в размере 1 000 долларов г-ну имярек по предъявлении настоящей ваучера по истечении 90 дней с указанной даты ровно 1 500 долларов в офисе компании по адресу Скул-стрит, 27, комната 227, или в любом банке.

От Компании по обмену ценных бумаг Чарльз Понци».

В самом начале проекта Понци сделал роковой шаг, который сыграл решающую роль в крушении Великой Схемы. Дело в том, что в интервью «Нью-Йорк Таймс» финансовый гений, как водится, врал и никаких 15 тысяч на продаже марочных купонов в первый месяц не заработал. Более того, у Понци вообще никаких денег не было, поэтому в декабре 1919 года он одолжил 200 долларов у мебельного торговца Дэниэлса. На большую часть суммы он тут же купил стол, стулья и шкаф для офиса (у того же Дэниэлса, разумеется), на остальное — просто пообедал.

Народные волнения на Школьной улице в Бостоне рядом с офисом Чарльза Понци

ник знает, что строить пирамиды не хорошо, потому что это fraud, мошенничество. Однако если попросить уточнить, в чем же, собственно, это мошенничество состоит, большинство поборников экономической этики не найдет ответа. И в самом деле: что незаконного в финансовой пирамиде? Ответ настолько неожидан, что впору смутиться: весь уголовный аспект финансовой пирамиды просматривается только на уровне бухгалтерской терминологии! Да-да, именно так. В самом факте того, что Понци (Мавроди, Властилина и т.п.) раздавал долговые расписки с обещанием выплатить гигантские проценты, нет абсолютно ничего противозаконного. Во всяком случае, уж не больше, чем в обещаниях Карла Маркса везти пролетариат в светлое будущее на костях буржуазии. Криминал заключается в том, что деньги, выплачиваемые вкладчикам, именуются прибылью, тогда как на самом деле являются распределением капитала. Вот именно: прибыль вместо распределения. И больше ничего! Именно поэтому все новорусские пирамидостроители были так озабочены переименованием своих «мавроди-ков», стремясь во что бы то ни стало уйти от опасной темы кредитования и долговых обязательств. Так на свет появилось несчетное число вариаций на тему «касс взаимопомощи», которые наиболее эффективно позволяют бороться с обвинениями в пирамидостроительстве.

В случае Понци дела обстояли еще сложнее, чем с «кассой» Мавроди: все

До весны 1920 года Понци собственноручно управлял компанией, однако уже в апреле нагрузка оказалась непосильной, и он передал бразды правления восемнадцатилетней мисс Мели (настоящее имя — Люси Мартелли), назначив ее своим доверенным лицом. Еще через месяц штат сотрудников Компании по обмену ценных бумаг расширился до тридцати человек. Сам Бьянки целиком устроился под лучи славы.

28 мая 1920 года Чарльз Понци обнял за талию Мечту Своей Жизни: за 35 тысяч долларов приобрел умопомрачительный особняк в банкирском квартале Лексингтон. Почти сразу дом Понци стал местом паломничества туристов, которые приезжали со всех концов Америки, чтобы, во-первых, вложить деньги в «марочное предприятие», во-вторых, своими глазами посмотреть на воплощение великой американской мечты. Жизнь удалась.

И тут взорвалась бомба. Вопреки всем мыслимым и немыслимым законам жанра беда пришла не от обеспокоенного государства, не от заподозривших неладное вкладчиков, а от злополучного кредитора, старины Дэниэлса. Уже который месяц головокружительный успех Понци лишал сна мебельного человека. Последней каплей стала покупка «крутой хаты» в Лексингтоне⁵. К слову будет сказано, Понци давным-давно расплатился со своим кредитором по долговой расписке, и тем не менее Дэниэлс явился к Понци и в присутствии своего адвоката заявил, что частью договореннос-

ти о предоставлении кредита на 200 долларов было обещание Понци поделиться ровно половиной будущей прибыли от проекта. От такой наглости Понци потерял дар речи и выставил мебельного человека за дверь. Куда там! Упорный Дэниэлс сказал адвокату «фас!», и Исаак Харрис впился в Понци хваткой племенного бультерьера.

Вымогательство Дэниэлса строилось на специфике местного, массачусетского, законодательства, согласно которому на весь период разбирательства исков по имущественным претензиям активы ответчика замораживаются. Когда 2 июля 1920 года иск Дэниэлса принял к исполнению Вер-

В отличие от убогих российских эпигонов, Понци не кормил своих вкладчиков голословными обещаниями, а представил идею обогащения за счет арбитража почтовыми марками.

ховный суд штата, сразу в нескольких банках на счетах Понци оказались заблокированными более 500 тысяч долларов. Ничего ужаснее для пирамидального бизнеса и представить себе невозможно — на это и делал ставку Дэниэлс. Бьянки не повезло с эпохой: ровно через пятьдесят лет этот закон штата Массачусетс был признан неконституционным и отменен.

Оставим на время Понци разбираться с Дэниэлсом и поговорим о самой пирамиде, которую построил во-круг почтовых марок финансовый гений Америки. Сегодня каждый школь-

предприятие представлялось законной коммерческой деятельностью по реализации возвратных почтовых купонов. Именно поэтому по «почтовой составляющей» был нанесен главный удар государства после того, как оно ожглось на попытках решить проблему на уровне юридической казуистики. Когда я изучал материалы по этому делу, меня больше всего умилило обвинение, которое на ранней стадии выдвинул против Понци арбитр по де-

⁵ «Swell house» — слова самого Дэниэлса.

Особняк Понци в банкирском квартале Лексингтон

лам банкротства Олмстэд: «Одалживание денег у инвесторов под ростовщический процент (usurious rates)». Оценить во всей полноте тонкость маразма судьи Олмстэда можно только с привлечением исторического контекста: на протяжении столетий этот самый «ростовщический процент» использовался практически всеми государствами Европы для борьбы с евреями-ростовщиками, которые разоряли крестьян кредитами по чудовищным ставкам. Каким образом этот исторический контекст можно было пришить к делу Понци — уму непостижимо. По крайней мере нужно очень постараться, чтобы не увидеть разницы между предоставлением кредита по сверхвысоким ставкам и добровольным желанием взвалить аналогичный кредит на собственные плечи.

Как бы то ни было, когда помеительство на марочном бизнесе Понци достигло общенациональных масштабов, американские власти нарушили нейтралитет и встали на тропу беспощадной войны. К июлю 1920 года «Компания по обмену ценных бумаг» принимала от населения около одного миллиона долларов в неделю (обратите внимание: работа шла под чутким руководством восемнадцатилетней девушки мисс Мели!). Большая часть этого финансового потока устремлялась в Гановерскую трастовую компанию (НТС, Hanover Trust Company), в которой Понци открыл депозитарный счет 20 мая 1920 года. К середине лета этот банк превратился в центральный механизм перераспределения капиталов по всей марочной схеме. Сказать, что происходило это при попустительстве руководства Гановерской трастовой компании, значит обмануть самих себя: менеджмент НТС души не чаял в Понци и проявлял чудеса смекалки, дабы устранить малейшие формальности и максимально ускорить прохождение денежных потоков.

Прекрасно понимая природу бизнеса «Компании по обмену ценных бумаг», менеджмент НТС собственноручно разработал двухходовку, которая позволяла Понци избежать овердрафта (временного перерасхода) по счетам. Во-первых, в обмен на все те же долговые расписки Понци Трастовая компания выпустила депозитарный сертификат на сумму в полтора миллиона долларов, который служил замечательным залогом. Во-вторых, Понци подписал соглашение с НТС, позволяющее компании сначала принимать к исполнению любые долго-

вые расписки, на которых стояла подпись Понци, а уж затем дебетовать его счета задним числом.

15 июля Гановерская трастовая компания увеличила свой уставной капитал с 200 тысяч до 400, о чем рапортовала в надлежащие инстанции. Как только Джозеф Аллен, федеральный уполномоченный по банкам Массачусетса, узнал, что Чарльз Понци приобрел пакет акций НТС на сумму в 150 тысяч (38% всего банковского капита-

тиера, у него не было абсолютно никаких юридических рычагов, которые позволяли бы остановить деятельность «Компании по обмену ценных бумаг».

Как бы то ни было, 26 июля Понци объявил об остановке приема новых вкладов, подтвердив, однако, свою готовность расплачиваться по текущим долговым обязательствам: по полной лицевой стоимости для бумаг, достигших созревания, и в размере

Оценить во всей полноте тонкость маразма судьи Олмстэда можно только с привлечением исторического контекста.

ла), созрело решение: НТС станет той самой ниточкой, за которую государственная власть попытается распустить марочный клубок Понци.

Для начала прокурор штата Джозеф Пеллтиер лично встретился с Понци и сообщил о том, что готовится масштабная аудиторская проверка всей деятельности «Компании по обмену ценных бумаг». Каким-то чудом Пеллтиеру удалось уговорить Понци прекратить принимать вклады от новых инвесторов начиная с 26 июля 1920 года. Полагаю, Понци понимал, что остановка новых вкладов хотя бы на один день равносильна самоубийству. И тем не менее он согласился. Совершенно непонятно, что мог сказать Пеллтиер, чтобы заставить Понци пойти на этот убийственный шаг. Тем более что, по признанию самого Пелл-

первоначального вклада — для всех остальных. Понци и прокурор штата также выступили с совместным заявлением, в котором уверяли общественность в непременном возобновлении работы «Компании по обмену ценных бумаг» сразу после окончания аудита и подтверждения законного статуса предприятия.

Куда там! Началось бегство с тонущего корабля. Вот как описывает события первого дня «Нью-Йорк Таймс»: «Весь Бостон взорвался после объявления о том, что аудитор приступает к проверке дел Понци, нового «финансового волшебника», который обещает своим вкладчикам удвоение капитала за 90 дней. События на Школьной улице вокруг офиса «Компании по обмену ценных бумаг» напоминают бар-

рикадные бои: четыре женщины потеряли сознание во время очередного штурма, последовавшего после многочасового ожидания в очереди желающих получить обратно свои деньги. Несколько мужчин получили серьезные ранения от падающего стекла из разбитых дверей при попытке проникнуть в помещение офиса». И так далее — картина, в деталях знакомая отечественным читателям, поэтому нет смысла ее развивать.

Понци спокойно взирал на то, как весь его бизнес идет ко дну, не принимая ни единой попытки скрыться. Между тем в июле и даже в начале августа он мог с легкостью раствориться в небытии вместе со всем своим семейством и миллионами денег вкладчиков.

События развивались молниеносно по сценарию, который легко предугадывался:

— в начале августа Понци делает заявление об учреждении нового предприятия с капиталом в 100 миллионов долларов, которое позволит превратить Бостон в самый крупный экспортно-импортный центр в мире;

— 10 августа случился первый овердрафт на счете Понци в Гановерской трастовой компании. Руководство НТС задним числом разбило полтора миллионный депозитарный сертификат на три части (по пятьсот тысяч каждая) и незамедлительно компенсировала перерасход в 441 тысячу;

— 11 августа Почтовая администрация объявила о пересмотре обменного курса для возвратных купонов — впервые с 1906 года;

— 12 августа — арест Понци сразу после того, как уполномоченный аудитор фиксирует суммарные обязательства «Компании по обмену ценных бумаг» в размере 7 миллионов долларов, которым соответствуют 4 миллиона активов. Дефицит составляет 3 миллиона;

— 16 августа органы дознания напали на след «скрытых активов» Понци: в банковском сейфе нашли 9 926 долларов, и еще 1 155 долларов добровольно сдал один из агентов компании;

— 18 августа, после обыска на знаменитой вилле на Лексингтоне, было конфисковано 378 литров отличного итальянского вина;

— на первом же заседании суда становится ясно, что Понци удивительным образом не знает многих деталей своего собственного предприятия: имен агентов, номеров многочисленных банковских счетов и доверенных лиц, которые подписывали чеки от его лица;

— луч света в темном царстве: банковский счет Дэниэлса, которому в июле удалось выдать из Понци 40 тысяч долларов отходных, замораживают по той же самой массачусетской статье, поскольку вкладчики «Компании по обмену ценных бумаг» подали иск о справедливом распределении активов! В соответствии с федеральным законодательством о банкротстве никто не обладает преимущественным правом компенсации, поэтому деньги, полученные Дэниэлсом от Понци, подлежат возврату в общий котел для последующего распределения между всеми инвесторами;

— 25 октября Понци признают банкротом. Итоговая компенсация вкладчиков, не успевших забрать свои деньги, составила 10 процентов от первоначальной инвестиции;

— 30 ноября Понци приговаривается к пяти годам тюремного заключения по кристально прозрачной мотивировке: «Мистер Понци получил от вкладчиков 10 миллионов долларов и выплатил обратно 8 миллионов. Недостача составила 2 миллиона».

Нужно быть очень наивным человеком, чтобы заподозрить Чарльза Понци в идиотии: сначала он собственноручно разрушил свой бизнес, затем пренебрег всеми мыслимыми и немыслимыми правилами безопасности, пассивно наблюдая за тем, как государственные чиновники перелопачивают его бухгалтерию и шаг за шагом приближают неминуемый арест. Так не бывает. Однако все сразу станет на свои места, если предположить, что Чарльз Понци был тем, кем был на самом деле: малообразованным итальянским мошенником, которого выбрали для фасада масштабной финансовой махинации. Старый добрый зицпредседатель Фунт! Не удивительно, что Понци «плавал» в деталях бизнеса и не знал имен собственных агентов.

Почему-то при анализе любой пирамиды забывают о тех многочисленных вкладчиках, которые более чем успешно обогащаются на начальном этапе. Марочная пирамида Понци не исключение: на протяжении восьми

месяцев неведомые инвесторы исправно удваивали капитал каждые 90 дней. Затем вся посвященная камарилья вывела денежки из оборота и дала отмашку на затопление корабля. Стоит ли говорить, что записей по самым первым сделкам в отчетности «Компании по обмену ценных бумаг» не обнаружилось?

По всей вероятности, у Понци была договоренность и с прокурором штата Пеллтиером, и с более высокопоставленными чиновниками, которые просто не сдержали слова и в последний момент потопили мелкого прохиндея. Тем не менее Понци хватило ума отсидеть положенный срок в благоразумном молчании.

Дальнейшая судьба Бьянки печальна: после отсидки в федеральной тюрьме Понци угодили в тюрьму штата Массачусетс по смежному приговору. Сразу после освобождения в 1934 году его депортировали в Италию. Накануне Второй мировой войны Чарльз Понци эмигрировал, как и полагается всякому Великому Комбинатору, в Бразилию. В возрасте 67 лет он скончался в благотворительном госпитале Рио-де-Жанейро, оставив состояние в 75 долларов, сэкономленных из правительственной пенсии. На всю эту сумму ему и справили похороны.

Эпилог

Самое время читателю возмутиться: «При чем же тут почтовые марки?» Конечно, ни при чем! Уже на первых заседаниях суда было продемонстрировано на простых арифметических примерах, что во всем мире не циркулировало такого количества марок, на арбитраже которых можно было получить прибыль для всех вкладчиков Понци. Впрочем, финансовый гений знал об этом с самого начала: марочный арбитраж в самом деле дает 400% прибыли, только вот абсолютное выражение этой прибыли в лучшем случае насчитывает сотни долларов, но никак не десятки миллионов. Именно поэтому во всей бухгалтерской отчетности «Компании по обмену ценных бумаг» не было обнаружено ни единой сделки с почтовыми марками и возвратными купонами! ■

